

СМАГУЛОВ К. Е.

КНУ им. Аль - Фараби, г. Алматы

БАКАС УУЛУ Б.

КЭУ им. М. Рыскулбекова, г. Бишкек

Smagyllov K.E.

Al - Farabi KNU, Almaty

Bakas uulu B.

M. Ryskulbekov KEU, Bishkek

[*kadyrzhan@gmail.com*](mailto:kadyrzhan@gmail.com)

[*bakhtyiar.bakasuulu@gmail.com*](mailto:bakhtyiar.bakasuulu@gmail.com)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ КРУПНЫХ БИЗНЕС СТРУКТУР: КЕЙСЫ КАЗАХСТАНА, КЫРГЫЗСТАНА И ЮЖНОЙ КОРЕИ

**Казахстан, Кыргызстан жана Түштүк Кореянын
салыштырмалуу мисалдарын политикалык процесстерде
бизнес структуралардын таасири**

**Comparative analyses of the influence of financial business
structures on political processes: cases of Kazakhstan, Kyrgyzstan
and South Korea**

***Аннотация:** на основе компаративистского метода в статье проведен сравнительный анализ влияния крупных бизнес структур на политические процессы в Казахстане, Кыргызстане и Южной Корее.*

***Аннотация:** салыштырма методду колдонуу негизинде Казахстан, Кыргызстан жана Түштүк Кореядагы саясий ири бизнес-структуралардын политикалык процесстерге болгон таасири каралган.*

***Annotation:** on the basis of a komparativ method in the article the comparative analysis of influence large business - structures on political processes in Kazakhstan, Kyrgyzstan and South Korea is carried out.*

***Ключевые слова:** бизнес структуры; влияние на политические процессы; Казахстан; Кыргызстан; Южная Корея; ФПГ (финансово-промышленная группа).*

***Негизги сөздөр:** бизнес структуралар; политикалык процесстерге таасир; Казахстан; Кыргызстан; Түштүк Корея.*

***Keywords:** Business structure; influence to political processes; Kazakhstan; Kyrgyzstan; South Korea; (FIG) financial and industrial group.*

Введение

Южная Корея образца 1961-1986 гг. и современное развитие Казахстана и Кыргызстана имеют много общих характеристик

политического развития. В первую очередь это авторитарные режимы генерала Пак Чжон Хи и военных президентов (Корея), Нурсултана Назарбаева (Казахстан), Аскара Акаева и Курманбека Бакиева (Кыргызстан). Во всех трех странах в обозначенные временные рамки власть концентрировалась в руках одного человека – президента.

Отличительной особенностью казахстанского и кыргызстанского кейсов, с одной стороны, и корейского – с другой, является то, что ни Казахстан, ни Кыргызстан до 1991 года не имели опыта построения государственности в классическом ее понимании. Несмотря на то, что обе центрально-азиатские страны находились в течение 70 лет в составе тоталитарного СССР, независимость они получили не насильственными путями, а в связи с распадом Советского союза. Оба государства избежали гражданской войны на заре становления независимости и объявили о построении демократических государств. Однако в силу того, что ни в казахском, ни в кыргызском обществах в предшествующие исторические периоды не было практики демократических институтов и ценностей, в этих странах были возрождены принципы политического развития традиционных обществ со всеми присущими им атрибутами.

В Корею после гражданской войны и американского вмешательства были заложены зачатки демократических институтов и принципов построения государства, которые на последующем этапе модернизации положительно скажутся на демократизации политической системы.

В развитии этих трех государств важную роль играли крупные бизнес структуры, которые в исследуемых кейсах имели различное влияние на политическое развитие.

Казахстан

Формирование групп влияния и системы их воздействия на властные структуры является общей закономерностью развития любого общества. В этом плане Казахстан не является исключением: принятая в республике модель реформирования – перенос стратегических акцентов на экономическое развитие при сохранении авторитарной политической системы – порождает конкуренцию между элитами [1].

Следует отметить, что в авторитарных государствах вся полнота власти сконцентрирована в руках единоличного правителя, и группы влияния нацелены получить доступ непосредственно к правителю либо его доверенному окружению.

ФПГ (финансово-промышленные группы) в Казахстане выступают как одна из форм групп влияния, специфика которой заключается в том, что она строится на основе интеграции различных бизнес-структур – промышленных, финансовых, торговых и иных предприятий, а также представителей элит и кланов. Как правило, ФПГ отстаивают корпоративные интересы.

В Казахстане формирование ФПГ было связано с необходимостью создания политического баланса между элитными группировками. В последующем между группами влияния была сформирована условная иерархия: внутренний круг, состоящий из наиболее приближенных к президенту людей, и внешний круг [2]. Внутренний круг представлен крупнейшими ФПГ. С одной стороны, с их помощью Н.Назарбаев в той или иной мере контролирует эти конгломераты; с другой — последние используют свои доверительные контакты в ближайшем окружении президента для лоббирования собственных интересов [3].

Высокая взаимозависимость политической и экономической элит в Казахстане связана с тем, что после обретения независимости прежние партийные функционеры, номенклатура и связанные с ними группы играли большую роль в перераспределении государственной собственности [4]. Таким образом, крупные промышленные предприятия оказались в руках аффилированных с высокопоставленными чиновниками лиц.

ФПГ стали контролировать нефтегазовый сектор страны, а также другие высокоприбыльные отрасли природных ископаемых [5]. Контроль со стороны ФПГ внутреннего круга над высокодоходными отраслями экономики республики позволяет им оказывать влияние на процесс принятия решений. При этом группы влияния из внешнего круга не имели возможности войти в данные высокоприбыльные секторы экономики (нефть, газ, металлы) [6]. В свою очередь группировки внутреннего круга конкурировали друг с другом за доступ к ресурсам и влиянию [5].

В Казахстане рекрутирование элит в первые годы независимости производилось посредством кровнородственных связей. Приближенными людьми, пользующимися доверием Н.Назарбаева, являлись его зятья: Тимур Кулибаев, Рахат Алиев (оба – лидеры ФПГ). Тем не менее, членство во внутреннем круге не лимитировалось только кровнородственными связями с президентом [5].

Каналы личных связей являются основным методом лоббирования интересов ФПГ. В этом плане показательна судьба так называемой «корейской группы», лидером которой был личный друг Н.Назарбаева Владимир Ни. Корейской группе принадлежит корпорация «Казахмыс» (выплавка меди), крупным акционером которой является Владимир Ким (состояние, по данным Forbes, \$1,7 млрд.). После смерти в 2010 году Владимира Ни, корейская группа лишилась своего представителя в близком окружении Н.Назарбаева и практически выпала из внутреннего круга.

В Казахстане борьба ФПГ идет только за два ресурса: влияние на Президента и доступ к распределению доходов в экономике [1]. Тем самым, контроль над государством – это ключ к власти и благосостоянию в современном Казахстане [4]. Интересы ФПГ связаны с необходимостью обеспечения благоприятных условий дальнейшего наращивания экономического, политического, административного и др. ресурсов.

Данная цель коррелировалась также с основной задачей первые годы независимости: поддержание баланса сил во властно-политической системе. Однако в настоящее время вектор цели все больше перемещается в сторону обеспечения преемственности власти, гарантирующей личную безопасность и сохранность капитала, а также его легитимизацию (легализацию) в сознании казахстанской и международной общественности [1].

Неопределенность политического будущего Казахстана после ухода с поста президента Н.Назарбаева является основным фактором риска для групп влияния. В связи с чем в среде ФПГ происходят стратегические перестановки для укрупнения и увеличения своей мощи, что может свидетельствовать о готовящейся борьбе за высшую власть в стране. Следует отметить, что самая мощная ФПГ – это группа Тимура Кулибаева, имеющая активы в нефтедобыче, банковской сфере. Кроме того, группа, по мнению политолога Андрея Грозина, имеет широкие политические связи среди акимов областей [7].

Исследователь Барбара Жунисбай пишет: «ФПГ стремятся увеличить доступ к политическим и экономическим ресурсам. Данная роль ФПГ в Казахстане обусловлена рядом факторов. Первое - неразвитость политических партий и НПО с малым количеством активных членов среди электората. Второе - слабые профсоюзы. В связи с чем ФПГ заполнили вакуум в политической и экономической среде» [5].

И для этого у ФПГ имеются все необходимые ресурсы: финансовые, кадровые и медийные. В Казахстане большинство телевизионных каналов, радиостанций принадлежит государству или лицам, аффилированным с ФПГ [8]. Деятельность 80% СМИ определяется политической составляющей [9]. Соответственно, информация в них является сугубо заказной, публикуемой для воздействия на общественное сознание и мнение.

Отсутствие прозрачных и открытых площадок решения споров между ФПГ ведет к росту теневой политики. Кроме того, лоббирование интересов ФПГ представителями внутреннего круга предполагает «коррупционную ренту».

Отсутствие четких политических перспектив, преемственности политики, следовательно, «правил игры» и баланса сил между группами влияния приводит к тому, что ФПГ демонстрируют свои опасения путем вывода капитала за рубеж и требуют необходимости четкого институционального и правового оформления незыблемости права собственности. И власти идут навстречу этим требованиям в обмен на лояльность режиму. В Казахстане за 25 лет независимости прошли 3 кампании по легализации имущества и денежных средств, в том числе добытых не законными путями.

ФПГ играют важную роль в продвижении политических проектов администрации президента. До 2006 года в Казахстане функционировали политические партии, контролируемые ФПГ (Аграрная и Гражданская партии – ФПГ «Евразийская группа», партия «Асар» – ФПГ Алиева-Назарбаевой), которые создавали видимость многопартийности в стране. Однако в настоящее время партийное поле в Казахстане сужено, и остались подконтрольные властям партии (12 партий - в 2004 году и 6 партий - в 2016 году). Кроме того, оппозиция переживает этап ухода с политической сцены старой оппозиции (коммунистическая партия, «Демократический выбор Казахстана»), а новая оппозиционная сила еще институционально не оформилась [10].

Южная Корея

В Корее формирование чеболей (семейно-промышленных конгломератов) было краеугольной составляющей политики генерала Пак Чжон Хи по созданию экспорто-ориентированной экономики для дальнейшего экономического и государственного развития.

Изначально и до сих пор чеболи представляют собой конгломераты семейного типа [11]. При этом кровнородственные связи наблюдаются между представителями семей конгломератов и

политической элиты. Благодаря супружеским бракам членов семей, чеболи получили обширные связи со многими высокопоставленными политиками [12]. Отдельно следует указать на то, что Ли Мен Бак (2007-2012 гг.) стал первым президентом, который имел бизнес бэкграунд (в Hyundai Group) до того, как стать политиком [13].

По мере экономического роста и влияния чеболей на политический истеблишмент произошло условное структурирование конгломератов. Чеболи градируются на пятерку и тридцатку крупнейших (внутренний круг) и остальные (внешний круг). Чеболи внутреннего круга пользовались большей поддержкой правительства.

На первых порах формирования данных конгломератов они были сильно зависимы от правительства, так как получали от него финансирование. Данные взаимоотношения вели к росту коррупции, так как лидер каждого чеболя стремился заручиться большим объемом финансирования для своих компаний. Взаимоотношение бизнесменов и политиков могло иметь форму сотрудничества или коррупционных связей, либо оба данных варианта [14]. Следует заметить, что связь политиков и бизнесменов более всего развита в высококоррупцированных странах [15].

В последующие годы (начало 1980-х гг.) чеболи все явственней демонстрировали желание снизить зависимость от правительства [16]. И для решения данного вопроса конгломераты задействовали свои финансовые возможности для влияния на политическую элиту. Так, ни один политический режим в Корее не выиграл выборы без помощи чеболей [17].

Основным политическим каналом продвижения интересов чеболей является Консервативная партия. В частности, Консервативная партия открыто спонсировалась чеболями в 1960-1980 гг. [13]. К примеру, на закате своего правления президент от Консервативной партии Ли Мен Бак объявил крупнейшую амнистию 70 осужденных бизнесменов, в том числе и руководителей чеболей, которые были тесно связаны с правительственными чиновниками [18].

Таким образом, в Корее влияние конгломератов на политическое развитие связано с доступом к президенту; продвижением интересов через политические партии для последующего их прохождения в законодательное собрание и/или на президентский пост для лоббирования интересов чеболей; усиления их влияния на общественное мнение посредством медийных ресурсов. Следует

отметить, что чеболи, также как и ФПГ в Казахстане, имеют контроль над СМИ.

Неформальные институты влияния на политическое развитие остаются основным инструментом по продвижению чеболями собственных интересов.

В ходе развития чеболей изменялось и их влияние на политическое развитие государства. Исследователь Сигида Ю выделяет четыре важных фактора, способствовавших формированию чеболей в качестве политических акторов.

1. Отсутствие альтернативы чеболям в экономической сфере страны. Относительно мягкая политика правительства Южной Кореи в отношении чеболей продиктована тем, что в стране отсутствуют другие, столь же мощные производственные субъекты, которые могли бы послужить основой для очередного экономического рывка.

2. Окончательная трансформация после финансового кризиса 1997–1998 гг. пассивной политической роли чеболей в активную. Конгломератам впервые удалось консолидировать свои усилия, объединиться и выступить против правительственных реформ посредством привлечения на свою сторону рабочих и широких слоев населения. Родственные, клановые, дружественные и финансовые связи с ведущими политическими лидерами также способствовали трансформации пассивной роли чеболей в активную.

3. Чеболи стали одним из основных спонсоров предвыборных программ политических лидеров. Все крупнейшие конгломераты обладают достаточными ресурсами для спонсирования предвыборных гонок.

4. Реформирование чеболей стало обязательным пунктом предвыборных программ политических партий и их лидеров. Конгломераты находятся в постоянном поле зрения общественности, что также приводит к необходимости активных действий во внутривнутриполитической жизни страны [18].

Кыргызстан

Становление государственности независимого Кыргызстана и новой политической системы произошло через возрождение полуфеодальной системы общественных отношений, которые получили свое развитие при первом президенте Аскаре Акаеве. Новый кыргызский клан – это региональное объединение, опираясь на которое и действуя в его интересах, тот или иной политик участвует в политической борьбе. В свою очередь, политическая борьба в

Кыргызстане обусловлена конфликтами между различными кланами (северными и южными), стремящимися получить доступ к ресурсам, которые весьма ограничены [19]. Кыргызстан относится к бедным, развивающимся странам, имеющим ограниченные природные ресурсы. Вследствие чего государство становится единственным способом формирования капитала у элит путем распределения ресурсов и доступом к бюджетным средствам.

О. Крыштановская моделирует структуру кланов по типу слоеного пирога, в котором первый, верхний слой, - это публичный политик; второй - группа политической поддержки лидера; третий - группа экономической поддержки (ФПГ); четвертый - подконтрольные СМИ. Последний слой - это военизированные службы. При этом представленность в разных уровнях иерархии определяет успешность и капитализацию конкретного клана [20].

Таким образом, в Кыргызстане ФПГ были строго интегрированы в структуру клана и могли лоббировать свои интересы только посредством поддержки его лидера. Эффективность и результативность деятельности всего клана и ее лидера имели первоочередное значение для последующего развития ФПГ, так как доступ к власти автоматически означал доступ к распределению ресурсов государства.

Также как в Казахстане, после обретения независимости в Кыргызстане была проведена приватизация государственных активов, которые были приобретены приближенными к президенту лицами, представляющими собой партийную номенклатуру. Подобное явление Холмс называет номенклатурно-гангстерскими сетями [21]. По утверждению Хэндлмена, преступность в постсоветскую эпоху часто является продолжением политики с помощью других средств, и преступность частного сектора тесно связана с коррупцией в государственном секторе. Эти тенденции привели к значительному росту теневой экономики, к концу 1990-х гг. составивший официальный объем ВВП [22].

В Кыргызстане в период президентства А.Акаева, также как и в Казахстане, была создана система сдержек и противовесов среди групп влияния, возглавляемых родственниками президента и его ближайшими соратниками. При этом элитные группы за 14-летний период режима Акаева разрослись до крупных политических и экономических игроков. Вследствие чего к концу своего режима Акаев уже не мог ограничить деятельность элитных группировок. Многочисленные родственники и представители клана А.Акаева,

контролировавшие значительную часть экономики страны, стремились закрепить свою власть с помощью депутатских мандатов. К примеру, его дочь Бермет Акаева учредила партию «Алга Кыргызстан» [23].

Распределение всех имеющихся ресурсов внутри одной элитной группы (президента А.Акаева) с допущением к распределению двух-трех кланово-корпоративных сообществ (северного клана), отсутствие открытой системы рекрутирования элит, обозначившиеся позже проблемы с легитимизацией самой этой власти стали причинами оппозиции со стороны кланов южного региона. Жесткое противостояние клановых группировок ведет к тому, что система бесконечно генерирует аутсайдеров до тех пор, пока их число не возрастает настолько, что начинает представлять серьезный вызов позиции клана, находящегося у власти [24].

Все это привело к революции 2005 года и падению режима А.Акаева. Одним из главных итогов революции следует считать то, что главным финансовым спонсором оппозиции стали криминальные элементы, преследовавшие свои интересы. В постреволюционный период произошла консолидация ряда криминальных и политических кланов. Что было связано с продолжением практики использования политическими группами ресурсов и услуг криминальных структур. В свою очередь, последние искали покровителей и клиентов в среде политиков и депутатов парламента.

Пришедший к власти на волне революции Курманбек Бакиев (южный клан) проводил аналогичную его предшественнику политику: обогащение лояльных кланов, в первую очередь, собственного семейства, авторитарный стиль управления, оттеснение оппозиции и игнорирование интересов других кланов. В итоге, северные и южные кланы страны объединились и совершили государственный переворот, а К. Бакиев был вынужден бежать из страны.

По мнению А. Шустова, «клановость стала одной из главных причин падения политических режимов А. Акаева и К. Бакиева, которых обвиняли в аккумуляции всех политических и экономических ресурсов в руках родственников».

Как показала кыргызская практика, политическая борьба с использованием ресурсов различных кланов (финансовых, людских и др.) была сравнительно эффективна с точки зрения целедостижения. В условиях, когда формальные инструменты политики – партии, парламент и т.д., не репрезентировали общественные интересы, происходила регенерация традиционных форм отстаивания групповых

интересов, где важная роль отводится ФПГ. Отличительной особенностью кыргызстанского кейса является то, что здесь наблюдается сращивание власти, бизнеса и криминальных структур.

После государственного переворота 2010 г. с целью оптимизации правил межэлитной политической борьбы власть выдвинула инициативу по переходу к парламентской республике, которая получила абсолютную поддержку населения. Таким образом, неэффективная президентская модель политической системы с авторитарным уклоном проявила всю несостоятельность в рамках кыргызской реальности, где преобладающее значение в политических процессах стали играть кланы. То есть в Кыргызстане наблюдается влияние неформальных отношений (патрон-клиентские, кровно-родственные и др.) на формирование неформальных институтов (кланов), которые в последующем де-юре легитимизировались в формальный институт (партии) и формальные отношения (в рамках парламента).

Заключение

Авторитарные режимы в Казахстане, Южной Корее и Кыргызстане были необходимостью в периоды становления государственности, что требовало мобилизации политических и экономических ресурсов для развития государства. Однако в последующем авторитаризм должен был переформатироваться в демократический режим по пути эволюции (на примере Кореи) или революции (пример Кыргызстана), тогда как в Казахстане авторитарный режим был законсервирован.

Отличительной особенностью корейского и кыргызстанского кейсов, с одной стороны, и казахстанского, с другой, является то, что первым двум удалось политическую борьбу перенести в правовую сферу. Тогда как в Казахстане созданная структура сдержек и противовесов между группами влияния и ФПГ до сих пор действует в рамках неформальных институтов и неформальных отношений.

В Корее и Кыргызстане можно наблюдать переход к демократии и демократизацию политической системы. При этом Корея пережила четвертый этап развития автократического режима – модернизационный, когда в условиях улучшения экономической ситуации, роста благосостояния населения произошло формирование среднего класса и гражданского общества, соответственно выросли требования к власти по расширению принципов демократии. То есть изменения в экономике привели к необходимости упразднения

консерватизма в политике. Корейские чеболи, созданные как основные акторы экономики, повлияли на модернизацию общества и политической системы.

В Кыргызстане необходимость расширения демократических институтов стала результатом насильственных смен правящих режимов. Страна пришла к необходимости демократизации через революционное развитие. Немаловажную роль в этом сыграли ФПГ и кланы, преследовавшие своей целью в политической борьбе высшую власть и распределение ограниченных ресурсов страны.

В Казахстане мы наблюдаем отход от установок построения демократического государства и нарастание авторитарной политической системы. При этом ФПГ играют одну из главных ролей по консервированию текущих правил игры и политического строя, как наиболее выгодного для их жизнедеятельности.

Литература

1. «Группы влияния» во властно-политической системе Республики Казахстан / URL: <http://www.apn.kz/publications/article80.htm>
2. Satpaev D. (2007). An analysis of the internal structure of Kazakhstan's political elite and an assessment of political risk levels. In: Tomohi U (ed) Empire, Islam, and politics in Central Eurasia. Slavic Research Center, Hokkaido University, Sapporo, pp 283-300
3. Федоров Ю. Казахстан: в предчувствии нестабильности // Индекс безопасности. - № 3 (106). - Том 19. – С.63-79.
4. Murphy J. (2006) Illusory transition? Elite reconstitution in Kazakhstan, 1989–2002. EUROPE-ASIA STUDIES 58(4):523–554
5. Junisbai B. (2010). A Tale of Two Kazakhstans: Sources of Political Cleavage and Conflict in the Post-Soviet Period // EUROPE-ASIA STUDIES. - Vol. 62, No. 2, 235–269
6. Bellin, E. (2000) 'Contingent Democrats: Industrialists, Labor, and Democratization in Late-Developing Countries', World Politics, 52, 1, January.
7. Грозин А. Кто есть кто в современном Казахстане / URL: http://arabeski.globalrus.ru/print_this/137358/
8. Абрамов В. (2009). Результаты исследования «Масс-медиа Казахстана: ключевые игроки, возможности, потребности и риски». – Алматы.
9. Рахатова А. Власти посулили пряник казахстанским СМИ // URL: <http://contur.kz/node/1019>
10. Сагпаев Д. (2015) Элита желает продлить status quo / URL: http://ratel.kz/raw/dosyim_satpaev_elita_jelaet_prodlit_status_quo
11. Bae, K., Kang, J., Kim, J. (2002). Tunneling or value added? Evidence from mergers by Korean business groups. Journal of Finance 57, 2695–2740.
12. Kim, Y. T. (2007). Korean Elites: Social networks and power. Journal of Contemporary Asia 37, 19–37.
13. Choi Myung Sub (2014). The Value of Political Connections: Evidence from Korean Chaebols / URL: eprints.qut.edu.au

14. You, J. S. (2005). Embedded autonomy or crony capitalism? explaining corruption in South Korea, relative to Taiwan and the Philippines, Focusing on the Role of Land Reform and Industrial Policy, Washington, DC, September 1–4. Available at <http://irps.ucsd.edu/assets/003/5292.pdf>
15. Faccio, M., (2006). Politically connected firms. *American Economic Review* 96, 369–386.
16. Сун Ли Чжэ. (2015). Крупный семейный бизнес Республики Корея: особенности корпоративного управления и роль в развитии национальной экономики // Вестник РУДН. Серия Экономика. – № 4. – С.27-38.
17. Phil-Sang Lee (2000). Economic Crisis and Chaebol Reform in Korea // Discussion Paper Series. APEC Study Center Columbia Business School
18. Сигида Ю. (2015). Трансформация роли финансово-промышленных групп (чеболь) в экономической и политической жизни Южной Кореи в период с 1998 по 2013 г. // Вестник Томского государственного университета. - № 397-С. 167-173.
19. Волтерс А. (2007). Разные формы групповой идентичности и политический конфликт в Кыргызстане: теоретический подход / URL: https://www.files.ethz.ch/isn/34010/09_04_2007_report_political_indentity_rus.pdf
20. Крыштановская О. (2005). Анатомия российской элиты. - Москва. -216 с.
21. Холмс С. (1997). Преступность и коррупция после коммунизма в журнале Конституционное право: восточноевропейское обозрение, подшивка номер 6, номер 4.
22. Койчуманов Т., Оторбаев Дж. и Стар Ф. (2005). Кыргызстан: путь вперед. - Институт Центральная Азия – Кавказ
23. Bakas uulu B., Smagulov K. (2011). Twenty years of independence in Kazakhstan and Kyrgyzstan: what is more important-political or economic development? // *Central Asia and the Caucasus*. - Volume 12. - Issue 4. – Pp.83-92.
24. Collins K. (2006) *Clan Politics and Regime Transition in Central Asia*, Cambridge (Cambridge University Press), P.376.
25. Bekturganova, B. (2007) ‘_Administrativnaya reforma zakreplit srashchenie krupnogo kapitala i vlasti’, Alma Ata-Info, 30 March